

СТИЛЬ ЖИЗНИ

В погоне за Моцартом

В 1764 году в Париже были впервые изданы произведения восьмилетнего композитора

Александр Меркулов

Образ Моцарта неуловим. Наверняка все знают только одно: он – гений. Кому-то он кажется ангелом, сошедшим с небес. Кто-то, следуя поэтической выдумке Пушкина, представляет его как жертву завистливого Сальери. «Нас мало избранных, счастливых праздных, / Пренебрегающих презренной пользой, / Единого прекрасного жрецов...» и т.д. Есть еще симпатичный анекдот про нового русского, считающего, что Моцарт – это «тот самый крутой чувак, который пишет музыку для мобил». И это тоже Моцарт. Сегодня мы знакомим читателей «НГ» с разными высказываниями о великом композиторе.

Моцарт был разноухий: с длинным и коротким ухом и с несхожими извилинами раковин...

Моцарта изображали по-разному: маленьким мальчиком, музицирующим на клавишине для прекрасных придворных дам; послушным сыном своего отца; юношей, влюблявшимся во всех оперных певиц; оскорбленным музыкантом, отказавшимся служить деспотичному князю-архиепископу; гениальным, но непонятым композитором, умирающим от голода, холода и тягот жизни. Все эти представления одновременно верны и ложны. Воз-

можно, наиболее подходящим для Моцарта определением является слово «ангельский». Да, ангельский, и именно поэтому чрезвычайно трудный для понимания. За внешним обаянием скрывается глубокая тайна. Как сказано у Рильке, «каждый ангел ужасен».

Оливье Мессиян

Хотя Моцарт был верующим – в понимании церкви, – но убеждения масонства все больше заменяли ему религию... О той серьезности, с которой Моцарт воспринимал масонские убеждения, свидетельствует то, что он не вышел тогда из ложи [когда некоторые были закрыты и когда близкий к масонству союз розенкрейцеров был запрещен], а даже разрабатывал

Моцарт был разноухий: с длинным и коротким ухом и с несхожими извилинами раковин... Если верить дошедшим до нас его портретам, маска Моцарта маловыразительна для его гениальности, так же как она невыразительна и у Рафаэля в его автопортрете, где глаза мастера были заняты изображением этих же глаз и утратили свою экспрессивную сущность на холсте.

Кузьма Петров-Водкин

– Знаете, когда мне рассказывают, как кто-то замечательно играл Моцарта на клавире XVIII века, я спрашиваю: а блохи были?

– Ну если вы имеете в виду мелкие исполнительские огрехи, то кому ж их удалось избежать?

– Да нет, я о настоящих блохах. Понимаете, во времена Моцарта аристократы одевались очень пышно, носили пудренные парики. А мылись редко. Вот и заводились блохи. Их ловили, а чтобы было куда складывать, держали при себе специальные коробочки... Поэтому я и говорю: если уж так тщательно следить за воссозданием атмосферы времени, надо быть последовательным до конца – чтоб и свечи горели, и костюмы были соответствующие. Вплоть до тех самых коробочек...

Михаил Плетнев

Однажды я услышал, что Моцарт, будучи ребенком, тихо спрашивал, когда короли и княгини благосклонно ему внимали и одаривали его: «Ты меня вправду любишь, очень, очень любишь?» Это сказало мне больше, чем все книги о его стиле...

Эдвин Фишер

За внешним обаянием Моцарта скрывается глубокая тайна.

Моцарт больше композитор XX века, чем XIX века, и больше XIX века, чем XVIII века.

Из вздорных филистерских легенд о Моцарте, возникших в не понимавшем его XIX столетии, три легенды наиболее

распространены, вздорны и вредны и требуют особо энергичного отпора: 1) Моцарт – «Рококо», 2) Моцарт – «солнечный юноша» (якобы сын солнца, радостный, идеальный) и 3) Моцарт – «итальянец».

Георгий Чичерин

Я уверен, что Моцарт, казавшийся Сальери «гулякой праздным», в действительности над своим гениальным даром много работал. Ведь что такое работа? В Москве, правда, думают и говорят, что работа – это сталелитейное усердие и что поэтому Глинка, например, был помещик

и дармоед... Работа Моцарта, конечно, другого порядка. Это вечная пылливость к звуку, неустанная тревога гармонии, беспрерывная проверка своего внутреннего камертона... Педант Сальери негодует, что Моцарт, будто бы забавляясь, слушает, как слепой скрипач в трактире играет моцартовское творение. Малиар негодный ему пачкает «Мадонну» Рафаэля. Фигляр пародией бесчестит Алигьери... А гению Моцарту это было «забавно» – потому что, слушая убогого музыканта, он работал. Уж наверное, он чему-нибудь научится, даже на пачкотне маляра, даже на пародии фигляра...

Федор Шаляпин

Утверждение, что Моцарт был гостем на нашей земле, в какой-то мере справедливо как в самом высоком, духовном смысле, так и в обычном, житейском. Никогда и нигде Моцарт не чувствовал себя дома. Ни в Зальцбурге, где он родился, ни в Вене, где он умер. А между Зальцбургом и Веной пролегли годы, в которые Моцарт объездил чуть не всю Европу, и на эти разъезды ушла большая часть его жизни. Впрочем, тягу к странствиям Моцарт испытывал постоянно, а вот к оседлому образу жизни он возвращался всегда неохотно и по принуждению.

У Моцарта – как это замечали многие – почти не было друзей среди музыкантов, во всяком случае близких. Моцарт вовсе не был образцовым коллегой. Как часто мы удивляемся, а бывает, и огорчаемся, когда в письмах его – пусть даже частных – мы натываемся на самые безжалостные суждения о современных ему музыкантах.

О Французской революции – а Моцарт дожил до ее начала – мы и слова не найдем ни в его письмах, ни в воспоминаниях о нем. Революция не интересовала Моцарта.

Моцарт жил в самый разгар «Бури и натиска», в эпоху сентиментализма, в эпоху Жан-Жака Руссо. Но он нигде и никогда не упоминает о Руссо, хотя написал оперу на сюжет его «Деревенского колдуна» и хотя имя Руссо достаточно часто должно было звучать в ушах композитора в бытность его в Париже. Он, видимо, был вполне безразличен к женовскому философу и дилетантствующему музыканту, чей призыв «Назад к природе» мало что ему говорил. Моцарт явно принадлежит к партии Вольтера, несмотря на злые слова, которыми в качестве некролога сопровождал его кончину.

Альфред Эйнштейн

Этот маленький, бодрый Моцарт, всегда готовый к самым грубым шуткам, человек, который охотно пил вино, играл на бильярде, был хорошим мужем и в то же время не оставался равнодушным к прелестям хороших девушек, был странным, таинственным существом. Таким он и умер... И, потрясенные, мы вспоминаем стихи Гете:

И нас покинул он, вдали сверкнув кометой,
И свет его слился с небесным вечным светом.
Ганс Эйслер

Из книги «Мысли о Моцарте», которая выйдет в издательстве «Классика-XXI».